

Для космографического комментария Аввакум обращался и к патристической литературе. Рассказывая о «бездне, глаголемой тартар», Аввакум ссылается на Патрикия Прусского (память 19 мая), картина «воскресения мертвых», которую он рисует в Послании, напоминает о «слове» Палладия Мниха «О втором пришествии Христове»⁴⁵ и «слове» Ипполита, папы римского, «О скончании мира и о антихристе».⁴⁶ Здесь же Аввакум опирается на цитаты из сочинений апостола Павла и Златоуста.

Не только источники толкования, но и сама интерпретация Аввакумом 103-го псалма самостоятельна.

Величие бога раскрывается для Аввакума прежде всего в целесообразности устройства видимого мира. Такое понимание было свойственно христианской литературе вообще (к тому же это тема и 103-го псалма), но важно отметить, что Аввакум идет именно за теми христианскими авторами, которых интересуют проблемы мироздания, обращается к той богословской и легендарной литературе, которая давала материал для естественнонаучного и космографического комментария псалма, и, сосредоточивая внимание на отдельных вопросах конкретного устройства вселенной, отходит от святоотеческой и древнерусской традиции толкования 103-го псалма. «Небесное величество», которое «мысли человека превосходит и меры», равномерное движение солнца и звезд, «коловоротствующих непрестанно», устройство «водного естества» — рек, озер, болот, «несведомое» множество родов птиц и зверей вызывают восторженную оценку Аввакума: «видимая суть добро сия».

Это восхищение Аввакума «видимым» миром сильно прозвучало уже в «Житии». Но там описания могучей сибирской природы появились как результат личных наблюдений Аввакума, отсюда их выразительность и эмоциональность. В толковании же псалма чувствуется книжность многих представлений Аввакума. Но и здесь, как всегда, он стремится ввести моменты реального жизненного опыта, что придает его комментариям такую удивительную непосредственность. Так, объясняя, «како то есть водное естество устроено», рассказывая о жаждущих онаграх, Аввакум пишет: «Повсюду напаяют зверей и птиц: в дребрах, в камениях горских и инде. Разсадит вода та камень, текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагрь, по Алфавиту конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дребрах витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, человек, о сем славит бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени господни».

Кроме этого момента — внимания Аввакума к «видимому» миру, — можно выделить еще одну характерную для содержания его толкования черту: убеждение, что все сделано «человека ради». И в этом его толкования приближаются к толкованиям Феодорита, а одно толкование Аввакум даже заимствовал у него — его рассуждение о море и кораблях. В толковой псалтыри Феодорита стихи 25—26 («Се море великое и пространное... Ту корабе препплавают») так объясняются: «Вси потреба зело еси требе человеком, корабским бо ремеством и окормскою хитростию друг от друга приемлем, еже комуждо требе: еже нам [от] оных требе еси, и еже онем от нас».⁴⁷ В толковании Аввакума читаем: «Корабли бо по морю препплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Пре-

⁴⁵ Соборник. М., 1647, л. 140.

⁴⁶ Там же, л. 120.

⁴⁷ Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.1.37, л. 159—159 об.).